

— Пап, смотри, смотри! — тянул его за руку сын. Посмотреть и в самом деле было на что — красавица антилопа-тунга кормила своего детеныша, он был не больше взрослой кошки, от силы месяца полтора-два.

— Пап, ты чего? Тебе не нравится? — тербил его сын.

— Ну что ты, как такая прелесть может не нравиться!

Санька бегал с места на место, выискивая лучший ракурс для съемки. К десятилетию дед подарил ему видеокамеру.

— Не суетись, встань вон там, — посоветовал Владислав Александрович. — Снимай спокойно, а я посижу, что-то нога сегодня ноет. К дождю, наверное.

— Пап, ты устал?

— Да нисколько, просто посижу, пока ты снимаешь.

Он сел в тени на лавочку, благо они тут стояли на каждом шагу.

Как странно, он никогда не вспоминал ту девочку, младшую сестренку своей давней подруги. Когда он расстался с Алиной, той девочке было от силы лет тринадцать. Как же ее звали? Не помню, надо же... Он улыбнулся. А с какой стати мне ее помнить? Да и сейчас я вспомнил о ней, только увидав совсем близко от входа в Берлинский зоопарк семейство жирафов. Их детеныш, трогательный и прекрасный, сразу напомнил ему сестру Алины, как она когда-то напоминала ему такого вот жирафенка — по-подростковому нелепая, голенастая, с необыкновенно длинной шеей и огромными карими глазами с длиннющими густыми ресницами. Она дичилась его, громко и неестественно смеялась, а Алина утверждала, что девчонка к нему равнодушна. Как же все-таки ее звали? Убей бог, не помню. Интересно, какой она стала? Могла превратиться в красавицу, а могла и в уродину. А впрочем, бог с ней.

— Пап, пошли дальше!

— Пошли!

Эта прогулка с сыном доставляла ему невероятное удовольствие. Они не так уж часто видятся. После гибели Риты родители Влада забрали

Саньку к себе, ему тогда было четыре года. Мальчик обожал деда с бабушкой, а Владислав Александрович частенько уезжал, и, бывало, надолго. И жил он отдельно, так постановила мама.

— Владя, ты взрослый мужчина, тебе необходимо отдельное пространство.

— Нет, ему надо жить со своим сыном, — возражал отец, — а баб водить может на это самое отдельное пространство. Ты вспомни, как мы когда-то жили, ни о каком, мать его, пространстве даже и не мечтали.

— И что в этом было хорошего? — вскидывалась мать. — Ты бы еще вспомнил, как рос в бараке...

— Ну и что? И, между прочим, вырос в приличного человека, не чета этим нынешним, — ворчал отец.

Но с Людмилой Васильевной спорить не имело смысла, и это знали все члены семьи. И, кстати, покойная Рита обожала свекровь. «Твоя мама самый справедливый человек из всех, кого я знаю», — говорила она.

Нелепая смерть жены, талантливого детского хирурга, совершенно выбила его из колеи больше чем на год. Рита поехала навестить тетку, единственную свою родственницу, и погибла с нею

вместе — на полигоне неподалеку взорвался склад боеприпасов, и домик тетки накрыло взрывной волной.

Как я мог отпустить ее, казнил он себя. Он не любил эту самую тетку, злую и склочную особу, но Рита настояла: у тетки юбилей — 60 лет, и кто ж ее поздравит, если не я?

Вот и поздравила... Фейерверк был тогда на всю область. Едва услышав эту новость, он стал звонить жене, но ответа не было, и он вдруг почувствовал, что никогда больше не услышит голоса жены, не увидит ее прелестной, чуть рассеянной улыбки... И сын будет расти без матери. В отличие от мамы жизнь оказалась чудовищно несправедлива.

Но сейчас, когда он выбрался с сыном на десять дней в Берлин, может, и не самое подходящее место для летнего времени, но у него здесь были еще и дела, Владислав Александрович вдруг ощутил, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. А уж восторгу Саньки не было предела, хотя он не раз уже бывал за границей с бабкой и дедом — в Греции, Испании, Италии. Но там дед с безумным энтузиазмом таскал внука по музеям и историческим достопримечательностям.

— Пап, скажи, а в Берлине обязательно по музеям ходить? — осторожно спросил Санька еще в Домодедове и вытащил из рюкзака записку с перечислением всех мест, которые дед непременно велел им посетить. Владислав Александрович пробежал глазами записку, засмеялся, скомкал ее и стал озиаться в поисках урны, в которую можно было бы запустить этот бумажный шарик.

— Пап! — просиял Санька. — Круто! Но дед рассердится.

— Слушай, сын, у деда свои привычки и принципы, которых он любит придерживаться в поездках, а у меня свои, для меня на отдыхе главное — не делать того, чего не хочется. Усек?

— Ага! — возликовал Санька.

— Значит, программа у нас такая — никакой программы. Будем ходить, куда захотим, но завтра с утра предлагаю пойти в зоопарк, кстати, от нашего отеля до него пять минут ходу. Устраивает?

— Ура! Пап, а у меня идея!

— Выкладывай!

— Я буду снимать на камеру фильм «Мы в Берлине».

— Пока не слишком оригинально.

— Ты не дослушал. Будем сниматься у входа в те музеи, куда дед велел сходить, а внутри ведь снимать все равно не разрешают? Правда же?

Владислав Александрович расхохотался:

— То есть предлагаешь снимать фуфло?

— Пап, ну это же для дедушки. И потом я все могу найти в Интернете... Разве не клевая идея, а, пап? — как-то сник Санька.

— Честно сказать, не очень.

— Да я все понимаю, — вздохнул Санька, — это вроде как обман выйдет...

— Ладно, сын, не парься, нет таких детей, которые хоть самую чуточку не врали бы взрослым. И не будем мы снимать это фуфло. Я сам поговорю с папой. Наша задача — отдых и удовольствие! А в августе ты поедешь отдыхать с дедом, он тебя уж потаскает по музеям. Просто надо стараться вообще в жизни врать по возможности меньше.

— Пап, а ты тоже не любишь музеи?

— Честно? Не очень.

— Тебя в детстве дед замучил?

— Именно! — рассмеялся Владислав Александрович и щелкнул сына по носу.

— А ты, пап, больше бабушкин сын, чем дедушкин.

— Пожалуй, ты прав.

Они с Санькой друзья — и это главное. И надо постараться сохранить эту дружбу. Парень растет, и искренняя дружба с отцом может уберечь его от многих ошибок надвигающейся юности. Он сам не был дружен со своим отцом.

— Проголодался? — спросил он сына.

— Нет, я так за завтраком налопался!

— И мороженого не хочешь?

— Нет. А ты что, голодный?

— Да нет, просто чего-нибудь вкусенького хочется. О, я знаю! Сейчас мы с тобой зайдём в КаДеВе и там наверху съедим одну штуку...

— А что такое КаДеВе?

— Очень шикарный магазин. Заодно посмотрим подарок для бабушки.

— Ох, да! У нее же день рождения скоро. А какой подарок?

— Говорю же — посмотрим.

Санька приуныл. Ходить по магазинам он не любил. Но тут его осенила спасительная мысль.

— Пап, я знаю, что надо купить бабушке!

— Серьезно? И что же?

— Махровый халат! А то она говорит, он у нее доисторический.

— Санька, ты гений! — обрадовался Владислав Александрович.

— Только, пап, он должен быть легкий, а то в прошлом году ей подарили халат, а она его деду отдала, сказала, у нее нет сил носить такую тяжесть.

— Санька, да тебе цены нет!

Они долго и с удовольствием бродили по залу — ведь у них была ясная цель. Выбор был велик, но в результате они обнаружили то, что нужно — халат из тонкой шелковистой махры темно-лилового цвета. Санька ликовал:

— Какая красотища, папа!

— Бабушка в этом будет похожа на епископа!

— Почему?

— Видишь ли, католические епископы носят лиловые сутаны, а впрочем, бабушке всегда шел лиловый.

В дополнение к халату были куплены еще махровые шлепанцы и набор лиловых полотенец.

— Да, в наши с тобой чемоданы это не влезет, придется купить еще сумку, — со смехом констатировал Владислав Александрович. — А сейчас надо отнести все это в гостиницу.

— Ну и что? Тут же совсем недалеко.

— Нет, дружище, ты как хочешь, а я просто жажду сожрать огромную порцию клубники со взбитыми сливками. Я это заслужил!

— И я! И я! — закричал Санька.

Ия! Ее звали Ия, почему-то вдруг возник-
вал Владислав Александрович.

Они поднялись на последний этаж, где на-
ходился ресторан.

— Ну, какие будут пожелания?

— Ты же обещал клубнику со сливками!

— Заметано! Садись и сторожи бабушкину
махру.

Это был ресторан самообслуживания.

— А может, хочешь сперва чего-нибудь по-
существеннее?

— Нет! Хочу огромную порцию клубники!

— Правильно, сын!

Порции и в самом деле были громадные. Они
уплетали клубнику со сливками, и им было так
хорошо и весело!

Как я люблю его, как он похож на меня, у нас
даже вкусы схожие. Господи, только бы с ним все
было в порядке, только бы жизнь щадила его. Он
ведь уже пережил настоящую трагедию, потерял
мать... И мачехи у него не будет!

— Пап, а кто тебе из зверей больше всех по-
нравился?

— Жирафик, — без тени сомнения ответил
отец.

— Почему?

— Не знаю. Просто так...

— А мне ягуар, как он на солнышке грелся. И еще эти черные буйволици в воде, такие клевые!

Вот тут наши вкусы разошлись, с улыбкой подумал Владислав Александрович. А сколько ей лет сейчас? Если тогда ей было лет тринадцать — четырнадцать, то сейчас ей должно быть двадцать семь — двадцать восемь. И она, скорее всего, замужем, а может, даже многодетная мать... И ничем уже не напоминает прелестного жирафенка... Вот разве что шея осталась такая же длинная, а может, уже и жилистая, некрасивая. И чего мне далась эта Ия? Я и не вспоминал о ней с тех пор, как расстался с Алиной. Алина уехала за границу, кто-то говорил, она осела в Испании, возможно, и младшую сестренку пристроила замуж за какого-нибудь дона... Суареса или Хименеса... Хулио Хименеса... Сеньора Хулио Хименес... Ну и черт с ней!

Дни в Берлине были длинными и счастливыми для обоих. К вечеру они уже падали замертво. Они еще смотрелись в Дрезден. Владислав Александрович считал, что Сикстинскую мадонну

надо видеть. Они целенаправленно пошли к ней, осмотрели еще один зал, где были собраны наиболее знаменитые полотна галереи, и ушли.

— Пап, а здорово, — сказал Санька. — Так можно в музеи ходить. И уж точно не забудешь... Каша в голове не образуется. Эх, хорошо с тобой...

— Санька, милый ты мой...

— Да нет, пап, я все понимаю, ты часто уезжаешь. И потом в Москве с дедом нет проблем.

— А в Москве он тебя не таскает по достопримечательностям?

— Редко. Он же работает, устает. Но я тебе по секрету скажу...

— Да?

— Мне больше всего не Мадонна понравилась, а этот... в шапочке, с длинными волосами...

— «Мальчик» Пинтуриккио.

— Вот-вот. У него такие глаза... Но это не надо никому говорить, да?

— Почему?

— Ну, вроде надо Мадонной восхищаться?

— Нет, сын, восхищаться надо только тем, что тебя восхищает. Вон почти весь мир восхищается «Джокондой», а я смотрю и, как говорят теперь, не догоняю. Вполне возможно, что я осто-

лоп и ни черта не смыслю в живописи, но что делать? Ну не притворяться же...

— Пап, а можно спросить совсем про другое?

— Валяй!

— Ты почему не женишься?

— Вот те раз!

— Нет, правда?

— А ты хочешь, чтобы я женился?

— Я? Нет. Бабушка хочет.

— Бабушка хочет, а я не хочу.

— Почему? Ты еще маму не забыл?

— А я никогда ее не забуду, даже если вдруг когда-нибудь женюсь. А пока не хочу. Исчерпывающий ответ?

— Ага! Но бабушка говорит, у тебя бывают какие-то тетки...

— Ну, милый ты мой, не на всех тетках надо жениться.

— Значит, правда бывают?

— Бывают.

— И они все плохие?

— Да почему? В основном вполне себе хорошие, а впрочем, разные. А вообще, к чему этот разговор?

— Просто... по-мужски... С дедом про это не поговоришь.